

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Л, **Ф. Киселева**

Рекомендовано Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Москва

УДК 94(47) (075.8) ББК 63.3(2)я73 К89

§3. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ФЕОДАЛЬНОЙ УСОБИЦЫ

Усобица князей имела поначалу одно примечательное следствие: обе стороны не спешили утвердить какого-нибудь кандидата на место умершего в 1431 г. митрополита Фотия. Видимо, сказывались и опасения за возможную позицию будущего митрополита, и необходимость отправлять крупные суммы в Константинополь, поскольку эти суммы были крайне необходимы и самим обеим противоборствующим сторонам. Пока же в Москве раздумывали, Константинополь в качестве митрополита киевского и всея Руси утвердил представленного Свидригайло кандидата – *смоленского епископа Герасима*.

Это имя значится в перечнях митрополитов, предваряющих текст Новгородской Первой летописи (оно в них последнее, чем датируется время составления этой летописи). В 1434 г. на утверждение в Смоленск ездил новгородский архиепископ Евфимий. Василий Васильевич в это время также находился в Новгороде, но о его реакции на признание Новгородом правомерности ставленника Свидригайло никаких сведений нет.

Согласно Житию митрополита Ионы, сохранившемуся в разных редакциях, Москва выдвигала в качестве своего кандидата *рязанского епископа Иону*. Какая-то сторона была при этом инициатором – не уточняется. К марту 1433 г. относится послание Ионы в Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь, где он называет себя «епископом, нареченным в святейшую митрополию Русскую». Согласно Житию, в Константинополь Иона был направлен лишь «в шестое лето» после смерти Фотия, т. е. в 1436 или 1437 г. И связано это было с тем, что смоленский соперник московского кандидата был устранен самим Свидригайло: Герасим был сожжен «за измену» – способ расправы с неудобными, характерный для средневекового католичества. Очевидно, что до 1436 г. Иону потому и не направляли в Константинополь, что патриарх уже утвердил

митрополитом Герасима, а пойти по следам Витовта, утвердившего Григория Цамблака вопреки Константинополю, видимо, не решались ни светские, ни церковные иерархи, хотя, судя по летописным комментариям к избранию Цамблака, проблема эта активно обсуждалась. Сказывалась, вероятно, и неуверенность противоборствующих сторон в феодальной войне: кому будет помогать Иона в качестве митрополита? На этот вопрос не могут однозначно ответить и историки, поскольку вообще неясно, по чьей инициативе Иона выдвигался преемником Фотия. Версия позднейших житий, увязывающих его с Фотием, конечно, надуманна, и питалась она желанием придать больше «законности» избранию Ионы на митрополичью кафедру впоследствии.

«Нареченным митрополитом» Иона стал, будучи епископом, в годы «великого княжения» Василия Васильевича. Церковные иерархи обычно поддерживали того из князей, кто наследовал отцу. Исключения были и в стародавние времена, и не только в «демократических» Новгороде и Пскове. В то же время и указания на «апостольские правила», разрешавшие избрание митрополита на совете соборе епископов, убеждали далеко не всех епископов, и не только радевших о Византийском императорском столе и патриаршей кафедре владык греков. Избранного в конечном счете митрополитом Иону не хотел, например, признавать наставник Иосифа Волоцкого – Пафнутий Боровский. Поэтому независимо от того, что думал Иона и кому он симпатизировал, выйти за пределы преобладающих настроений и традиций он не мог.

В литературе обращали внимание на какую-то, не отраженную в житиях, изначальную близость Ионы к Дмитрию Шемяке. Между тем такая близость совершенно естественна. Иона был родом из-под Галича, в Галицкой же земле в возрасте 12 лет постригся в монастырь. Можно отметить и то, что в упомянутой грамоте Иона не ищет для себя титула *митрополита «Киевского и всея Руси»*, т. е. он, видимо, изначальное связывается с теми кругами, которые ратуют за обособление Русской Церкви и от Литвы, и от Константинополя. Но в ком персонифицируются эти силы – сказать затруднительно. Василий Васильевич после мученической смерти Герасима решает направить Иону на поставление в Константинополь. Однако в Константинополе вопрос был решен без совета с московским и литовскими князьями: в 1436 г. на Русь поставили сторонника церковной унии – *Исидора (ум. 1463 г.)*.

С начала XV в. в Европе довольно широко развернулось «соборное движение». Цели при этом ставились разные. В одних случаях предполагалось ограничить самовластие римских пап, к этому времени основательно скомпрометировавших сам институт папства. В других – речь шла о воссоединении разных ветвей христианства на той или иной основе. Византия благодаря правлению исихастов доживала последние дни: турки командовали уже самими правителями империи, а надежда на помощь католического Запада предполагала те или иные идеологические уступки. Именно поэтому в 30-е гг.

XV в. исихасты, управлявшие константинопольским патриархатом, были готовы к заключению унии с римско-католической церковью.

Вопрос об унии поднимался, как отмечено выше, на некоторых заседаниях собора в Констанце, продолжавшемся пятнадцать лет (1404 – 1418). Еще дольше длился Базельский собор (1431 – 1449), на заседаниях которого обсуждали вопросы реформации церкви и пытались найти компромисс, в том числе и с гуситами. Особое внимание уделялось вопросу создания наднационального христианского органа, который можно было бы возвысить над папами. Преемник папы Климента V Евгений IV сумел расколоть оппозицию, перетянув на свою сторону императора Сигизмунда III. Противники реформаторов собрались на параллельный собор сначала в *Ферраре*, а затем во *Флоренции* (1437 – 1439). Авторитет собора возрос благодаря тому, что на нем удалось склонить к унии византийскую церковь. Оставшиеся в Базеле объявили Евгения IV низложенным, но после десяти лет бесплодных дискуссий разъехались по домам, по существу ничего так и не решив.

Греки на *Ферраро-Флорентийском соборе*, естественно, спорили, сопротивлялись, а патриарх Иосиф вообще отказывался отступать от восточной ортодоксии. Но он и не дожидаясь подписания унии: было много разговоров о его насильственной смерти. В итоге же спорные вопросы были решены в пользу Рима и была заключена уния (Флорентийская уния): признавалась необходимость дополнения Символа веры понятием «филиокве» (исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына), уравнивались в правах опресноки и кислый хлеб в обряде причастия, а главное – признавался приоритет римских пап над константинопольскими патриархами. Рим же в это время интересовали не столько быстро таявшие остатки некогда могучей империи, сколько обширные просторы набравшей силы Руси, хотя еще и находившейся под игмом Орды и раздираемой внутренними противоречиями. И Русь на соборе представлял грек или отуреченный болгарин Исидор.

До поставления на Русь Исидор был игуменом монастыря святого Дмитрия в Константинополе. Упоминается он также в числе греческих делегатов под 1433 г. на Базельском конгрессе. На Русь он прибыл «во вторник светлыа недели по Велице дни» (2 апреля 1437 г.). Никоновская летопись отмечает его достоинства: «многим языком сказатель и книжен». «И прият его князь велики Василей Васильевич честне, и молебная певше в святей соборней церкви пре-чистыа Богородици, и сотвори нань пирование велие князь велики Василей Васильевичь, и дары светлыми и многими Одари его». Видимо, князь не очень сожалел о том, что прирожденного русского Константинополь не утвердил (если сожалел вообще). Но очень скоро пришло

разочарование: митрополит оказался в Москве лишь проездом на «восьмой» собор в Ферраре и Флоренции, на котором Предстояло воссоединить Рим и Константинополь.

Митрополит ссылался на мнение патриарха Иосифа и императора Калуюна Мануиловича, убеждавших в необходимости такого собора, (Иосиф, как было сказано, как раз не соглашался с позицией Рима.) Великий князь достаточно твердо напоминал, что «при наших прародителях и родителях соединения закона не бывало с Римляны, и яз не хочу, понеже неприахом мы от Грек в соединении закона быти с ними». При всех внутренних разногласиях подобные настроения на Руси явно господствовали, а униатская пропаганда в Литве лишь укрепила отрицательное отношение к ней в Северо-Восточной Руси. Но митрополит похоже и не стремился в чем-то убеждать князя: вопрос о проведении собора был решен, и уже в начале сентября 1437 г. он в сопровождении большой свиты отправился к назначенному пункту через Тверь, Новгород и Псков и далее на Ригу и Любек.

Поездку на собор описал один из спутников суздальского епископа Авраамия – это сохранившееся в более чем десятке списков и, как обычно, нескольких редакциях *«Хождение на Флорентийский собор»*.

«Хождение» рисует примерно тот же путь в Рим, которым по летописному преданию шел некогда апостол Андрей. До Любека, который, кстати, помещался в «Русской земле», шел путь морем и берегом, а далее по территории Германии. Выбор русских городов явно был не случаен. Это города, так или иначе признававшие перед этим верховенство митрополита Герасима. Тверь и Новгород оставались оппонентами Москвы, а Псков Исидор по пути отделил от Новгородского архиепископства и установил с ним непосредственные отношения.

На Ферраро-Флорентийском соборе Исидор был весьма активен, удостоился звания кардинала и папского легата. В 1439 г. он подписал решение собора о заключении церковной унии. На Русь Исидор вернулся лишь в 1441 г. с настроением победителя. Но при всей его «книжности» и видимой осведомленности о политических разногласиях на Руси, главного он не учитывал. Служба в Московском Успенском соборе, где он вместо патриарха поминал первым папу римского Евгения, латинский крест, который несли перед ним, и решение Флорентийского собора, зачитанное после литургии, – *все это на Руси воспринималось как сатанинское покушение на святая святых*.

В марте 1441 г. Исидор княжеским распоряжением был «пойман» и заключен в Чудовом монастыре, где ему пришлось провести все лето. Осенью Исидор бежал, прихватив с собой учеников Григория и Афанасия. Не исключено, что бегство было согласовано с князем, во всяком случае князь распорядился не задерживать его и не возвращать. Беглец достиг Рима, был свидетелем падения Константинополя, умер в 1463 г. в звании титулярного константинопольского патриарха и старейшего кардинала.

А на Руси само бегство Исидора явилось достаточным основанием для лишения его сана митрополита, более того, Исидор был объявлен еретиком. **И теперь, после вступления константинопольского патриархата в церковную унию открывался путь к провозглашению полной самостоятельности русской митрополии.**

Но Москве снова было как бы не до того. Очередной переворот в Орде привел к тому, что Улуг-Мухаммед сначала расположился в верховьях Оки у литовского порубежья, откуда совершал набеги на русские земли, в том числе в 1439 г. на Москву, а затем занял Нижний Новгород и оттуда разорял прилегающие территории, захватив, в частности, Муром. В 1445 г. Улуг-Мухаммед бросил большие силы на русские земли. Василий Васильевич с войском вышел навстречу. Близ суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 7 июля произошло решающее сражение. Московское войско потерпело поражение, а сам великий князь попал в плен. За освобождение из плена князя Улуг-Мухаммед потребовал немислимый выкуп – 200 тысяч рублей. По Новгородским I и IV летописям, этот выкуп московский князь уплатил. Но такой суммы было не набрать по всем московским уделам. Видимо, речь могла идти лишь о изначальном требовании победителя от пленника. Вскоре, получив ложную информацию, будто Дмитрий Шемяка убил ханского посла и опасаясь соединения сил московского и галицкого князей, Улуг-Мухаммед отпустил Василия Васильевича под условием «дати ему с себя окуп, сколько может». Согласно Псковской Третьей летописи, «князь великой выиде на окуп... посулив на себе от злата и сребра и от портища всякого, и от коней, и от доспехов по 30 тысящ». Но и эту сумму князь собрать просто технически не смог бы.

Поражение московской рати и пленение великого князя заставляли москвичей ожидать самого худшего. В Москву устремились беглецы, рассеявшиеся после поражения, а также жители московских предместий. И на всех собравшихся в Москве обрушилась еще одна беда: в ночь на 14 июля вспыхнул пожар, и город сгорел, так что «ни единому деревеси на граде остатися». В пожаре погибло, согласно Псковской летописи, 2700 человек, сгорело и практически все имущество собравшихся из разных городов людей. Естественно, что люди видели в несчастье Божью кару. Тем большей карой представлялось обрушившееся на Москву осенью землетрясение. И на этой волне в феврале 1446 г. Дмитрий Шемяка легко овладел Москвой. Василий Васильевич бежал в Троице-Сергиеву обитель, где его и захватил союзник Шемяки Иван Андреевич Можайский. Василий соглашался немедленно постричься в монахи, но у Дмитрия Шемяки были иные намерения. Согласно ряду летописей, Иван Можайский успокаивал великого князя, объясняя вооруженную акцию необходимостью заставить сопровождавших князя татар уменьшить размер «окупа». Самого князя сопровождали в Москву и «посадиша на дворе Шемякине». По сведениям Татищева, у Василия искали «грамоты» – обязательства по выплатам окупа. Нашли обязательство выплатить Улуг-Мухаммеду 5 тысяч рублей и ежегодной дани по два рубля «со 100 голов».

По Новгородской IV летописи, своеобразный суд Василию Васильевичу учинили Дмитрий Шемяка, Борис Александрович Тверской и Иван Андреевич Можайский – они приняли решение ослепить своего противника, после чего Василий Васильевич и получил свое прозвание *Темный*. И «ослепиша его про сию вину: чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им и волости подавал еси въ кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром; а и за тот гнев, ослепил бе брата Дмитриева Юрьевича князя Василия». Симеоновская летопись (видимо, задним числом оправдывая тверского князя, который вскоре перейдет на сторону ослепленного Василия) приписывает Дмитрию Шемяке навет, будто цена «окупа» – передача московского престола ордынскому хану: Василий «к царю целовал, что царю сидети на Москве и на всех градах русских, и на наших отчинах, а сам хочеть сести на Твери». Получается, что Борис Александрович был обманут слухом, подобранным где-то Шемякой. В конце 1446 г. тверской князь сам пригласит Василия Темного, чтобы договориться о союзе, который будет скреплен помолвкой шестилетнего сына великого князя Ивана Васильевича с дочкой Бориса Александровича Марией. А еще через шесть лет (4 июня 1452 г.) будет оформлен и брак.

Ослепленный Василий вместе с женой был отправлен «в заточение» в Углич. Детям его, Ивану и Юрию, удалось скрыться в Муроме, поближе к Улуг-Мухаммеду. Оправдать свержение Василия Васильевича было легко: правителем он был (как верно заметил Л.В. Черепнин) явно неспособным, и изложенные Новгородской летописью претензии к нему были оправданы. Но так уж повелось во все века, а в те времена особенно: победители сами немедленно приступают к грабежам, и эйфория по поводу улучшения положения быстро проходит.

Антилитовское острие переворота, устроенного Дмитрием Шемякой, очевидно, сознавалось. Многие князья и бояре отъехали в Литву, где их охотно принимал великий князь литовский Казимир. Видимо, в рамках этой же тенденции, Шемяка попытался привлечь на свою сторону и церковь. И обратился он прежде всего к Ионе, о предшествующей деятельности которого московские летописи почему-то ничего не сообщают. Иона сразу же приглашен был жить на митрополичьем дворе, т. е. фактически получал права исполнять обязанности митрополита. И от этого приглашения кандидат в митрополиты не уклонился, хотя ясно было, что ему придется со своей стороны оказывать поддержку новому московскому правителю, в том числе в самых деликатных вопросах. И вскоре Шемяка действительно обратился к Ионе с просьбой о поручении.

Ионе поручалась миссия явно не из приятных: он должен был привезти сыновей Василия из Муром. Но следует учитывать и то, что Иона формально оставался рязанским епископом, а Муром входил в состав Рязанской епархии. Шемяка же, естественно, стремился ликвидировать вероятный очаг оппозиции и противодействия, обещая Ионе, что княжичам будут даны уделы. Но вместо уделов их отправили в тот же Углич. Впрочем, соединение детей с родителями, хотя бы и находящимися под надзором и лишенными права свободного передвижения, – это все же не наказание. Поэтому в разных редакциях Жития Ионы их авторы излишне беспокоятся за авторитет святителя, согласившегося исполнить сомнительную миссию.

И в Муроме, и в Угличе княжичей сопровождали бояре и «обслуживающий персонал». В итоге это уже само по себе делало Углич местом достаточно взрывоопасным. Вскоре в Углич прибыла большая группа князей и бояр, составившая заговор с целью освобождения Василия Васильевича из угличского плена. Попытка эта не дала результата, и заговорщики, а также некоторые из их единомышленников бежали в Литву. Внук Владимира Андреевича Храброго, князь боровско-серпуховской Василий Ярославич, получивший ранее от Казимира в удел Гомель, Стародуб, Мстиславль, поначалу также Брянск (позднее переданный Семену Ивановичу Оболенскому) и иные территории, становится центром притяжения для беглецов из Северо-Восточной Руси.

Осенью 1446 г. Шемяка собрал нечто вроде собора епископов, архимандритов и игуменов. Именно на этом соборе он проводил кандидатуру Ионы в качестве «исполняющего обязанности» митрополита. Но получить безусловную поддержку церкви ему не удалось – иерархи высказались за освобождение Василия Васильевича. Шемяка «укрепи великого князя крестными грамотами» и дал ему «в вотчину» Вологду. В честь освобождения князя Шемяка устроил грандиозный пир, на котором были, в частности, «все епископы копи земли Русския, и бояре мнози и дети боярские».

Это было началом конца правления Дмитрия Шемяки. Именно теперь тверской князь приглашает московского князя для обсуждения условий союза, направленного против Шемяки. Вокруг Василия Темного объединяются все разочарованные, а бежавшие в Литву после вестей, пришедших из Твери, возвращаются теперь во главе отрядов. В декабре 1446 г. Москва была захвачена приверженцами Василия, а в феврале 1447 г. в нее въехал и сам московский князь. 1447 год проходит в сложных и неискренних переговорах, пока церковь, занявшая теперь сторону московского князя, не предъявила Шемяке фактический ультиматум, требуя признания прав Василия Васильевича на великое княжение. При этом Шемяку обвиняли в том же, в чем он ранее, вполне обоснованно, обвинял Василия – в наведении татар. Еще несколько лет Шемяка пытается организовать северные районы Руси против Василия II Темного, но ему чаще всего приходится «бегать», пока в 1453 г. его не настигла в Новгороде приготовленная в

Москве отравы.

Как и обычно, все беды спишут на побежденного, а победителя Василия увенчают лаврами, которых он явно не заслуживал: *это был один из самых слабых и бесполезных для Руси великих князей, равно далеко отстоящий и от своего великого деда, и от своего великого же сына Ивана.*

Л.В. Черепнин, отмечая слабость Василия II как правителя, попытался объяснить причины неудачи его соперника Дмитрия Шемяки. Но в духе времени внимание его сосредоточивалось лишь на социально-экономических факторах, которые, конечно же, сказывались: люди очень скоро забывают, кто в действительности повинен в их трудном материальном положении. Показательно, что даже церковные иерархи обвиняли Шемяку в том, что он не остановил татарские грабежи, хотя

татар на Русь навел московский князь и именно татарские «царевичи» были его главными (и, естественно, разбойными) союзниками в охоте за Шемякой. А решающим фактором как раз и было то, что на стороне Василия были Литва и Орда.

Отказ Шемяки платить дань в Орду – факт сам по себе примечательный – был явно несвоевременным, хотя ему, может быть, и нечего было дать: во все времена с разрушением управленческих структур налоги не собирались. Обычно отмечается и то, что Шемяка не имел «позитивной программы». Но таковой никто не имел в это время – шла беспринципная борьба за власть, борьба, так или иначе опирающаяся на настроения отдельных земель и социальных слоев. А выигрывают обычно – и не только на Руси – те, кто ради личной власти готов на любое преступление. Победителей же, как известно (и тоже всюду), не судят. Тем не менее в ходе борьбы обязательно корректируются позиции противоборствующих сторон.

Все 30-е гг. XV в. Василий и его окружение не решались «открепиться» от Константинополя, хотя греки-митрополиты служили прежде всего Византии и затем Литве (видимо, потому и не решались). Шемяка взял на себя важную инициативу (жертвой которой в итоге и оказался): *он созвал русских иерархов для решения государственных вопросов и для избрания митрополита, вернее, утверждения того, кто был изначально намечен в качестве преемника Фотия. Вернувшись в Москву, Василий Васильевич продолжил эту политику.*

В декабре 1448 г. на соборе епископов Иона был утвержден русским митрополитом.

В этом случае реальное положение было подтверждено всего шестью епископами: Ефрем Ростовский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский, Авраамий Суздальский присутствовали при посвящении, а архиепископ новгородский Евфимий и епископ тверской (не названный по имени в летописной информации) прислали свои грамоты о согласии. С

этого момента все русские митрополиты будут ставиться на Руси епископами русских епархий, а Русская Церковь открывает новую страницу в своей истории – становится автокефальной.

Сам же Иона, получив подтверждение сана от епископов, рельефно обозначил свою

позицию, начав с канонизации первого в Московской Руси русского митрополита – Алексия.

В 1453 г. ситуация принципиально изменилась. Как было сказано, ушел из жизни Дмитрий Шемяка, скончалась Софья Витовтовна и, главное, произошло событие мирового значения – *пала Византийская империя, столица которой Константинополь был захвачен турками.* Теперь митрополит Иона получает возможность заметно влиять на формирование политики Руси в изменившихся условиях. И это влияние скажется в следующих поколениях.

Впрочем, и во второй половине XV в. новое положение Русской Церкви, а также личность Ионы принимали далеко не все. Иона умрет в 1461 г., и в последующей письменной традиции кто-то его осуждал, а кто-то не слишком удачно оправдывал, выискивая какие-нибудь следы византийского благословения. В одном случае – это «предсказание Фотия», в другом – обещание патриарха, что Иона будет утвержден митрополитом после Исидора. Именно сложность обстановки и запутанность отношений в феодальных верхах, а не особенности характера русского митрополита послужили причиной разноречий вокруг его биографии и деятельности и у современников, и у историков. *Но в целом фигура митрополита Ионы постепенно стала восприниматься как поистине историческая.* В 1472 г. были обретены мощи Ионы и, следовательно, был поставлен вопрос о канонизации. Обычно почитание начинается как местное, а затем выходит на более широкий уровень. Уже в 1531 г. в укорах Максиму Греку митрополит Даниил называет Иону «чудотворцем» наряду с митрополитами Петром и Алексием и Сергием Радонежским. А полная канонизация Ионы, как принято считать, была осуществлена на соборе 1547 г.

Литература

Барбашев А. Витовт в последние двадцать лет княжения (1410 – 1430). СПб., 1892.

Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.

Барсуков И. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

Белякова Е.В. К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1964.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV вв. М., 1986.

Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.

Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. II. Ч. 1. СПб., 1900.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.

Казакова Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970.

Коялович М. Литовская церковная уния. СПб., 1859.

Лурье Я.С. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. //

Россия на путях централизации. М., 1982.

Лурье Я.С. Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.

Лурье Я.С. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.

Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. М., 1912.

Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XIV – XVI вв. Вильнюс, 1961.

ГЛАВА XIV. Объединение княжеств Северо-Восточной Руси вокруг Москвы (вторая половина XV– начало XVI в.)

§ 1. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

«Феодалная война» второй четверти XIV в. существенно опустошила Русь. Победители в тех или иных сражениях угоняли массы людей из вотчин соперников в полон, грабили, продавали. Естественно, особенно отличались в этом «союзники» Василия Темного – татары Улуг-Мухаммед и его сын Махмутек. Но и великий князь своими расправами, в том числе с недавними союзниками, приводил в ужас свидетелей – москвичей: «Множество же народа видяще сия, от бояр и от купець великих, и от священников, и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении», – пишет московский летописец. «Яко николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо... Недостойно быше православному великому госпадарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казнями казнити и кровь проливати во святыи Великий пост».

Гражданские войны всюду отличались особой жестокостью, а борьба за власть и собственность вносила в них еще и крайнюю беспринципность. Борис Александрович Тверской, участвовавший в осуждении и наказании Василия Васильевича в 1446 г., предал Дмитрия Шемяку, но и со сватом – московским князем – дружба не слишком ладилась. А удивившие летописцев и простых москвичей казни в 1462 г. (незадолго до кончины князя) были обрушены на сторонников брата жены – Василия Ярославича, последовательно выступавшего ранее против Шемяки и в 1456 г. заточенного Василием Темным в Угличе.

Оба Василия проводили политику, противоположную той, которой следовали митрополит Алексей и Дмитрий Донской, в то время как *сторонники Юрия Галицкого и его не слишком серьезных сыновей, следовали все-таки завещанию Дмитрия Донского, ясно обозначавшего стратегических врагов Руси: Орду и Литву, а подспудно и Константинополь.* Правда, и в Литве после Витовта, и в Орде продолжались глубокие распри, что облегчало положение Руси.

В 30-е гг. XV в. Золотая Орда окончательно распалась. *Большая Орда (Волжская Орда, Улуг Улус) –* ханство, которое контролировало степи Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья. Столица – Новый Сарай (располагался между современными Астраханью и Волгоградом). Ханы Большой Орды считали себя преемниками золотоордынских ханов, поэтому требовали от Руси уплаты дани и признания своей верховной власти. В Большой Орде Улуг-Мухаммеду противостоял один из сыновей Тохтамыша Сайд Ахмед, впрочем, совершивший в 40 – 50-е гг. несколько набегов на литовские и русские земли.

Еще одно татарское ханство, которое возникло в результате распада Золотой Орды – К

рымское,
образовавшееся в Крыму и Северном Причерноморье в 1443 г. при хане *Девлет-Хаджи-Гирее,* ставшего родоначальником династии Гиреев. Центром Крымского ханства стал г. Солхат (Старый Крым). Новое государство находилось на пересечении важнейших торговых путей, ему принадлежали порты Черного и Азовского морей. Важной статьей экспорта Крымского ханства были невольники, в большом числе приводившиеся татарами из набегов на русские, украинские и польские земли.

В условиях распада Орды и противоборства многочисленных конкурентов, естественно, некоторые искали помощи и на Руси. Улуг-Мухаммед был убит собственными сыновьями, и власть в улусе захватил *Махмутек*. Преследуемые Махмутеком его братья – тоже сыновья Улуг-Мухаммеда – *Касим (старший) и Якуб*

–
пришли на Русь, на службу к Василию Темному. С именем Касима связано начало «*Касимовского царства*», просуществовавшего до времени Петра I в качестве вассала московских князей и царей. *Городец Мещерский,* переданный Василием Темным Касиму в конце 40-х или начале 50-х гг. XV в., будет позднее назван «*Касимовым*».

В Среднем Поволжье в 1445 г. возникло еще одно татарское государство – *Казанское ханство*.

Первым казанским ханом стал Махмутек, сын Улуг-Мухаммеда. Столицей ханства был город *Казань*.

Населяли его казанские татары, которые в большинстве своем являлись потомками волжских булгар. Под властью казанских ханов находились многие народы Поволжья: чуваша, удмурты, марийцы, часть мордвы и башкир. С момента образования Казанского ханства оно находилось в состоянии конфронтации с Московским государством.

События **1453 г.** повели на практике к определенной реабилитации основных стратегических установок, выработанных еще митрополитом Алексием и Дмитрием Донским. При этом важнейшее для всего христианского мира событие – падение Константинополя, последнего бастиона некогда могучей Византийской империи – московские летописцы отметили одной строкой. Для них явно важнее было полученное из Новгорода уведомление о внезапной кончине Дмитрия Шемяки («даша ему лютаго зелия и испусти нужно душу» – сообщает Устюжский летописный свод; Ермолинская летопись называет и участников отравления – великокняжеского дьяка Степана

Бородатого и повара Шемяки Поганку). Разные летописи отмечают, указывая точную дату, кончину Софьи Витовтовны (15 июня 1453 г.), игравшей первостепенную роль во внешнеполитической ориентации и супруга, и сына.

Эти три события повлияли на изменение настроений в окружении Василия Темного. Падение Константинополя оправдывало утверждение русского митрополита соборным решением. Устранение главного соперника Дмитрия Шемяки открывало возможности привлечения почитателей выдающихся московских патриотов Алексия и Дмитрия. Кончина Софьи облегчала переход к более взвешенным отношениям и с литовскими князьями, и ориентированным на Литву Казанским ханством. В рамках этой коррекции можно рассматривать и акции против Ивана Андреевича Можайского в 1454 м и против брата собственной супруги Василия Ярославича, всегда настроенного пролитовски, в 1454–1456 гг.

Сын Василия Темного и наследник Иван Васильевич, воспитывался в обычном духе, но в необычной атмосфере кровавых распрей в кругу ближайших родственников. С двенадцати лет он начал участвовать в политической и военной деятельности своего отца. И в походе на Новгород в 1456 г. княжич уже был не простым наблюдателем.

Новгородцы, согласно рассказу московского летописца, сражались неумело и, имея значительное численное превосходство над одним московским отрядом, потерпели поражение. В итоге на вече было решено просить мира и направить с этим архиепископа. Василий Темный взял с новгородцев «за свою истому» десять тысяч рублей, обязал «им быти у него в послушании, а его лиходеев изменников у себе не держати». В докончальной грамоте о Яжелѣ бицком мире Иван Васильевич титулован «*великим князем всея Руси*», т. е. признавался соправителем отца. Рождение в 1458 г. у молодого соправителя сына Ивана как бы завершало превращение отрока в полноценного мужа.

Таким образом, *хотя победа над Дмитрием Шемякой была одержана в значительной мере благодаря поддержке Орды и Литвы, объективные интересы княжества требовали изменения политики в отношении своекорыстных союзников.* Не исключено, что на осознание московским князем необходимости такого поворота повлияла и позиция наследника. Борьба с Ордой и Литвой станут основным содержанием внешней политики Ивана Васильевича, и женитьба на дочери тверского князя не повлияет на отношение к самой Твери как форпосту литовского влияния на подступах к Москве. Рязанский князь Иван Федорович, в 1430 г. присягнувший Витовту, в **1456 г.**

перед кончиной передавал восьмилетнего сына Василия вместе с княжеством под покровительство Василия Темного. Видимо, такое решение рязанского князя не вызывало восторга у рязанских бояр. В 1464 г. молодой Иван III возвратит юного Василия Ивановича на Рязань, поженив его со своей сестрой Анной. Но Рязань, открытая для татарских набегов и с юга, и с востока, никуда уйти, по существу, не могла.

Гораздо сложнее обстояло дело с *Новгородом*. Яжелбицкое докончание существенно ограничивало права вече и выборных должностных лиц Новгорода, а ссылки на «старину» уже не действовали. В той или иной мере страдали интересы самых разных социальных слоев новгородцев и неудивительно, что вскоре после заключения соглашения новгородцы устанавливают контакты с Казимиром ГУ и на какое-то время был принят на новгородские «пригороды» ставленник «польского короля и великого князя Литовского» Юрий Семенович. Правда, пробыл он здесь недолго и отъехал назад, не дожидаясь прямой конфронтации с Москвой.

В 1460 г., когда Василий Темный с детьми Юрием и Андреем навестил Новгород, собравшиеся у Софийского собора «вечники» даже намеревались «великого князя убить и сь его детьми». Кровавую развязку предотвратил новгородский архиепископ Иона. И князю удалось в 1461 г. собрать с новгородцев «черный бор», угроза которого и толкала новгородцев на крайние меры.

Кончина Василия Темного в марте 1462 г. на какое-то время оттянула прямое военное столкновение сторон. Но и после во княжения *Ивана III Васильевича* (1440 – 1505) и та и другая стороны сознавали его неотвратимость и готовились к нему: Новгород искал помощи на Западе, а Москва укрепляла позиции на Верхней Волге – по основным путям новгородских торговых караванов. И здесь узловым центром являлся город *Ярославль*,

центр Ярославского княжества. Вокняжение наследников на княжеских столах обычно сопровождалось подтверждением или какими-то изменениями в прежних договорных грамотах. Очевидно, какие-то изменения вносились и в недошедшие до нас грамоты, определявшие взаимоотношения Москвы и Ярославля. Развернувшиеся в Ярославле события датированы 1463 г. и потому этим годом обычно датировали и сам факт присоединения Ярославского княжества к Москве. Но, как показали Л.В. Черепнин и Ю.Г.Алексеев, этим годом обозначалось лишь начало сложного противостояния, затянувшегося на несколько лет. Противостояние это характерно для всего Средневековья, поскольку связано с канонизацией новых местных святых, обычно предполагающей укрепление сепаратистского настроения той или иной земли.

Москве, естественно, приходилось считаться с подобными местническими настроениями. Так, в 1456 г. от епископа Мисаила находившегося под литовской властью Смоленска, последовала просьба вернуть икону Пресвятой Богородицы. По совету митрополита Ионы икона была возвращена после торжественной литургии в присутствии смоленской делегации во главе с епископом Мисаилом. Посланцам Смоленска вручили также ряд икон с богатыми окладами. Так митрополия укрепляла связи с православным населением русского города.

Еще один пример – признание Москвой культа новгородского святого *Варлаама Хутынского*. После трудных переговоров Василия Темного в Новгороде в 1461 г. в Московском Кремле была заложена церковь в честь Варлаама Хутынского, в связи с чем появилось и литературное произведение «Сказание об умершем отроке», в котором проводилась идея идеологического единства Руси. Как отметил Ю.Г. Алексеев, «выходец из Рязани (речь идет о постельничем Василия Темного рязанце Григории. – А.К.) служит великому князю Московскому, почитает новгородского святого и сам великий князь способствует установлению культа этого святого в Москве».

Та же проблема встала и во взаимоотношениях с Ярославлем. Но здесь признание претендентов на канонизацию затянулось на несколько лет (1463 – 1471 гг.), встречая противодействие и со стороны высшего духовенства. Канонизация предусматривала причисление к лику святых *Федора Ростиславича Черного, князя Ярославского и Смоленского, и его сыновей Давыда и Константина*. По справедливому замечанию Ю.Г. Алексеева, эти князья «ничем не были примечательны и не дали ни малейшего повода для своей канонизации». Но канонизируемые князья были предками ярославского князя Александра Федоровича, поэтому для Ярославля факт святости предков князя был очень важен. Большинство летописей кратко отмечают лишь самый факт подготовки канонизации в явно позднейшем изложении. Рассказ же о самом ходе сомнительной акции приведен в Софийской Второй и некоторых других немосковских летописях. Между тем был достигнут какой-то компромисс между Ярославлем и Москвой: Москва признает или не возражает против канонизации новых «чудотворцев», оставляет в Ярославле и князя Александра Федоровича, но, видимо, с ограниченными правами, а уже после его кончины в **1471 г.** Ярославль входит в состав единого государства как владение великого князя Московского.

В середине 60-х гг. от митрополичьей кафедры отказался преемник *Ионы митрополит Феодосии*. В московских летописях не объясняется причина его ухода от дел. Но в Софийской Второй летописи представлена развернутая характеристика ушедшему митрополиту, которая подается именно как объяснение. Эта характеристика примечательна сама по себе как отражение положения в это время в структурах церкви в целом, а потому она заслуживает особого внимания. «А Феодосии того ради оставил, – поясняет летопись, – занеже восхоте попов и дьяконов нужею навести на Божий путь: нача их на всяку неделю взывати и учити по святых правилом, и вдовцом и диаконом и попом повеле стричи чися, а иже у кого наложницы будут, тех мучити без милости, и свяшенство съимая с них и продаваше (т. е. штрафуя). □

А.К.)

их; а церквей много наставлено, а попы не хотяше делати рукоделия (имеется в виду обязательный труд в общежитийных монастырях. –

А.К),

но всякой в попы, тем ся и кормяху и последоваху плотским похотем, зане бо не Богу служити изволиша, но лготу телу своему. И востужиша людие, многы бо церкви без попов, и начаша его проклинати; он же слышав се разболеся того ради, и здрав бысть и сниде в келию к Михайлову Чюду в манастирь, и прия разслабленного старца в келию, и нача служити ему и омывати струпы его». Новым митрополитом совет епископов избрал

Филиппа.

В 1467 г. внезапно скончалась молодая супруга Ивана Васильевича. Московские летописи сообщают об этом крайне лаконично: скончалась и была погребена в церкви Вознесения. Более обстоятельна запись в проростовской Типографской летописи, а Софийская Вторая летопись прямо указывает, что княгиня была отравлена. Видимо, так же считал и находившийся в Коломне великий князь. Он «воспоlesя... на Олексееву жену Полуектова Наталью», а также на самого весьма чтимого дьяка, и тот «шесть лет не был у него на очех, едва пожалова его».

В **1469 г.** начинаются переговоры о женитьбе овдовевшего великого князя на проживавшей в Риме племяннице последнего византийского императора Константина IX, дочери деспота Морейского – *Зои Палеолог* (1443 или 1449–1503). Морейский деспотат – это Пелопонес, отвоеванная Византией в XIII – XIV вв. у латинян часть Греции и завоеванная в 1460 г. турками. В Риме реальная турецкая угроза побуждала искать союзников на Востоке. Согласно Московскому летописному своду, именно Рим был инициатором переговоров о браке: «Февраля 11 прииде из Рима от гардинала Висариона грек Юрьи с листом». В листе сообщалось о наличии в Риме подходящей невесты «именем Софья, православная христианка». На самом деле Зоя демонстрировала в Риме верность если и не ортодоксальному католичеству, то принятой Константинополем унии. Во всяком случае никому из женихов Зоя не

отказывала из-за их «латинства».

В «листе», под пером позднейшего летописца, называвшего ее Софьей, каковой она в Риме не была (в Софийской Второй летописи она названа Зинаидой), значение невесты поднималось тем, что «присылался к ней король Франчюжскы и князь великы Ме-деляньскы (т. е. Миланский. – А.К.), но она не хочет в Латын-ство». В действительности ни тот, ни другой к знатной, но бедной сироте никогда ни сватались. И три реальных сватовства оказались безрезультатными не по вине невесты. Далее летопись сообщает, что «тогда приидоша и фрязи, Карло именем, Ивану Фрязи-ну московскому денежнику брат болшей, да братанич, старейшего их брата сын Антон». Прибывший в Москву ранее в качестве мастера «денежного» дела Иван Фрязин (Джъян Баттиста делла Воль-пе), видимо, принимал активное участие в этой деликатной дипломатической сделке. Князь посоветовался с митрополитом Филиппом, матерью и боярами и уже 20 марта направил Ивана Фрязина «к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону и царевну видети». *Папа Павел Нисменивший его Сикст IV проявили большую заинтересованность в намечавшемся браке, рассчитывая на Зою и преданное ей латинское окружение как на опору распространения католического влияния на Руси.*

Вольпе (Иван Фрязин) был принят папой и по возвращению в Москву, согласно Софийской Второй летописи, «царевну на иконе написану принесе». В январе 1472 г. Вольпе был отправлен за невестой в Рим. Папа Сикст IV торжественно встретил русских послов, и 1 июля была произведена помолвка Зои с московским женихом, от имени которого выступали послы. 24 июля Зоя покинула Рим. Кортёж невесты состоял, помимо русского посольства, из греков и итальянцев. С ней ехали ее брат Дмитрий Ралев Палеолог, Юрий Траханиот и искатели счастья и удачи греки и итальянцы. Интересы Рима представлял папский легат Бонумбре – перед ним ставилась задача всемерно содействовать объединению церквей.

Путь занимал несколько месяцев. После 11 дней морского пути караван прибыл из Любека в Колывань (Ревель). Путь на Москву предполагался не через Новгород, а через Псков. Псков был предупрежден о прибытии царевны, и описание первых шагов по русской земле заморской царевны наиболее обстоятельно дано в псковских летописях. Царевну торжественно встретили у Узменья, где в свое время произошло Ледовое побоище. Псковичи на шести насадах «великих» и множестве ладей пересекли озеро (Узменье – узкая его горловина) и «вышедше из насад, изналивавши кубци и роги злущеныя с медом и с вином, и пришедше к ней челом удариша. И она же приемши от них в честь и в любовь велику».

Царевна сразу пожелала ехать далее к Пскову, «дабы от Не-мець отъехать». После двух дней дороги царевна «порты царс-кия надевши, и поеха ко Пскову». Уже на пути в

церкви Богородицы царевна участвовала в молебне как истинно православная. Псковичей беспокоило то, что бывший с ней легат Бонумбре «...не по чину нашему облочен бе всьчервьленным платьем, имея на себе куколь червлен же, на главе обвит глухо, яко же каптур (теплый головной убор. – А.К.) литовской». «Рук его никому же видети, и в той благословляет, да тако же и крест пред ним и распятие осязаему, яко же всем человеком видети вылитое носить пред ним, на высокое древо восткнуто горе; не имея же поклоне^ния к святым иконам, и креста на себе рукою не перекрестяся, и в дому святей Троици толко знаменася к Пречистой, и то повелению царевне».

Для Бонумбре, очевидно, было неожиданным столь резкое изменение в поведении Зои, ставшей после венчания в Москве 12 ноября Софьей. Ему пришлось отказаться от демонстрации католических обрядов, и он уклонился от диспута, который готовили митрополит Филипп и «книжник» Никита Попович. Проведя 11 недель в Москве, он зондировал почву для создания если и нерелигиозного, то политического союза. Но у Москвы были в это время более актуальные задачи, и дело ограничилось ни к чему не обязывающими общими декларациями.

Связи с Римом продолжались и после отъезда Бонумбре. Источники зафиксировали *пять посольств* из Москвы в Италию (в основном в Милан и Венецию), целью которых был сбор информации и найм разного рода специалистов – градостроителей, оружейников, мастеров^н серебряников. Видимо, под влиянием интереса к Риму, пробудившемуся в связи с полемикой вокруг Флорентийского собора, в Никоновской летописи появятся сведения о давних римских посольствах, заимствованные, возможно, из какой^нто папской буллы.

Софья впоследствии примет участие в общественно^н политической борьбе на Руси и будет оценена весьма неоднозначно. Но пока ей надо было входить в придворный круг, а у великого князя оставалось еще много нерешенных или не до конца решенных дел. По^нпрежнему важное место занимала татарская проблема, прежде всего отношения с Большой Ордой, где воцарился весьма энергичный хан Ахмед (ум. 1481 г.). В этих отношениях Москва стремилась использовать противоречия между Большой Ордой, Казанью и Крымом. А в самой Руси надо было завершить включение в состав единого государства княжений Верхнего Поволжья и Новгородской земли.

В 1468 г. состоялся большой поход на Казань хана Касима с русскими воеводами. Но он закончился неудачей: войско не сумело переправиться через Волгу. В 1469 г. был более удачный поход, возглавляемый уже собственно русскими воеводами, причем новостью

явилась «судовая рать», которая и обеспечила относительно легкую переправу через Волгу. В походе участвовали устюжане, за что получили «по денге золотом», а также «700 четвертей муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, да 6000 стрел, да 300 шуб бараньих,... да 300 сермяг». Перечень любопытен сам по себе, в качестве некой «нормы» оплаты союзников и наемников.

Крупнейшим событием на пути объединения земель Северо-Восточной Руси был поход Московского войска на Новгород в **1471 г.** В борьбе против Москвы Новгород всегда стремился опереться на помощь литовских князей. Сын Ягайло, король польский и великий князь литовский *Казимир* после Торуньского мирного договора 1466 г. с Тевтонским орденом, по которому Польша получала выход к морю, а Орден признавал себя польским вассалом, заметно активизировал политику в отношении Северо-Запада Руси и прежде всего Новгорода.

В 1470 г. скончался новгородский архиепископ Иона, который удерживал новгородцев от опрометчивых выступлений против Москвы. На вече, по обычаю выбиравшего архиепископа, произошел – тоже по обычаю – раскол, и часть бояр во главе с *Дмитрием Исааковичем* и его матерью *Марфой Борецкой* обратились за помощью к Казимиру. Казимир направил в Новгород князя киевского Михаила Олельковича (Александровича). В Софийской Первой летописи воспроизводится повесть «Словеса избранны» о событиях 1470–1471 гг. По «Повести», далеко не молодая Марфа Борецкая «по слову» Михаила Олельковича согласилась выйти замуж за «королевского литовского пана», «а мыслячи привести его к себе в Великий Новъград да с ним хотячй владети от короля всею Новгородскою землею». Приписывается ей и намерение поставить новгородскую церковь под юрисдикцию литовского митрополита, последователя Исидора, Григория. В Новгороде сторонников такой ориентации возглавил «лукавый чернец Пимин».

Поход на Новгород теперь был неотвратим. В Новгород были посланы «грамоты розметные за их неисправление», а в Тверь и Псков направлены уведомления, с предложением присоединиться к походу. Не оправдались ожидания части новгородских бояр на помощь со стороны Казимира, у которого назревали проблемы в отношениях с Венгрией. В конце мая 1471 г. Иван III отправил рать на Двинскую землю, 6 июня московские воеводы Данила Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович Стародубский, а с ними братья князя Юрий и Борис были с большим войском отправлены к Русе (обычно князья присоединялись к походам из своих вотчин), 13 июня воевода Василий

Иванович Оболенский Стрига «со многими вой» и с татарами Даньяра Касимовича были направлены к Волочку и реке Мете. А 20 июня и сам великий князь с Данилычем и многими другими князьями также выступил в поход. В Торжке к нему присоединился тверской отряд.

Войско шло к Новгороду разными дорогами, и основное сражение развернулось **14 июля 1471 г. на реке Шелоне.**

Несмотря на большой численный перевес (по летописи, – не исключено, что цифры и преувеличены, – новгородцы имели 40 тысяч, а московский отряд лишь 5 тысяч), новгородцы потерпели сокрушительное поражение. Городское ополчение было больше приспособлено к защите с городских стен, а не к маневренным сражениям в чистом поле. К тому же новгородцы явно не испытывали энтузиазма, защищая то, во что сами не верили.

18 июля великого князя весть о победе застала в Яжелбицах, где собрались и его братья. Здесь же он встретил посланников псковичей, которые «со всей землей своею вышли на его службу». Затем двор перебрался в Русу, где князь распорядился казнить посадников «за их измену и за отступление», «а мелких людей велел отпустить к Новгороду». Победу одержала и рать, посланная на Двину, а новгородские земли были пожжены вплоть до моря.

У устья Шелони Ивану III бил челом вновь избранный архиепископ Феофил «с посадники и с тысяцкими и с житыми людьми со всех конец». Согласно ритуалу, просители сначала били челом боярам, воеводам и братьям великого князя, дабы те выступили в роли ходатаев и «печаловались» бы за новгородцев. В итоге великого князя за новгородцев просили уже его бояре и князья. Князь принимает теперь «к себе на очи» новгородскую депутацию, и «князь велики показа к ним милость свою и прият челобитье их, утоли гнев свой, и в той час повеле предстати (перестать. – А.К.) жечи и пленити и полон, которой тут есть, отпустить, а который отела и отведен, и тех отдати».

*Так формировалось мировоззрение эпохи завершения объединения Руси: **высшая справедливость и милость – прерогатива великого князя.***

В пользу великого князя с новгородцев было взыскано 16 тысяч новгородских рублей, и помимо того они должны были «отблагодарить» братьев и воевод князя и подписать «докончание» с псковичами на их условиях. 1 сентября нового сентябрьского года Иван III вернулся в Москву, где за 7 верст от города его встретили пешие москвичи, а у самого города – митрополит Филипп «со кресты... со всем освященным собором».

Убедительная и довольно легкая победа над новгородцами сняла и проблемы, связанные с *Ярославским* и *Ростовским* княжениями. Ростовское княжество и ранее в большой мере принадлежало московским князьям. В

1474 г.

княжество полностью перешло под юрисдикцию московских наместников. Под власть московских наместников перешли и принадлежавшие ранее Новгороду земли европейского Северо-Востока (Пермская земля и смежные с ней).

Московское государство, как и некогда Киевское, превратилось в многонациональное. При этом если в Ливонии покоренные племена становились крепостными, то на Руси крепостничество на север вообще не пойдет, и все входившие в состав России народы получат возможность следовать своим обычаям и традициям, в том числе и религиозным.

Победа 1471г. и изменившиеся государственно-идеологические представления вызвали к жизни акцию, напоминавшую подобную, предпринятую при Ярославе Мудром в 30-е гг. XI в.: *сооружение в Москве нового кафедрального собора, которому предстояло воплотить идею могущества Москвы.* Старый Успенский собор давно держался на подпорках, и даже ходить мимо него было небезопасно. «Хотением и многим желанием» митрополита Филиппа, при «благоволении и повелении» великого князя было решено построить на его месте новый. Митрополит «зело духом горяше и желанием одрѣжим» в качестве образца хотел взять построенный Андреем Боголюбским Успенский собор во Владимире. Перед строителями была поставлена задача создать храм «мерой» этого собора, но в несколько увеличенном размере. Строители были посланы во Владимир для изучения бывшего кафедрального собора Руси и «удивишася зело красоте здания еа и величеству и высоте еа». В 1472 г. после разборки старого собора в присутствии Освященного собора и великокняжеской семьи состоялось торжественное освящение основания нового храма, и сам митрополит «свои ма рукама» распланировал основание и символически начал строительство. Когда основание поднялось в человеческий рост, в «новозаложенную» церковь перенесли мощи прежних митрополитов. Относительно перенесения мощей признанного святого митрополита Петра Филипп пожелал посоветоваться с князем, но тот решение вопроса отдал на усмотрение Филиппа и Освященного собора.

В литературе различно оценивается обозначенное летописями неординарное отношение митрополита и князя к деталям проводимой акции перезахоронения, нацелившейся на то подобные перезахоронения в Ярославле. Разумеется, и церковь, и светская власть были заинтересованы в укреплении влияния Москвы как церковного и великокняжеского центра. Но неизбежно вставал и вопрос об их взаимоотношении. И за канонизацией того или иного светского или церковного деятеля обычно следовало и оправдание проводимой ими в свое время политики. Петр был давно канонизирован, и

святость его сомнений не вызывала. Но в данном случае встал вопрос также о канонизации *Феогноста, Киприана и Ионы*, реальная политика которых вызывала серьезные разногласия как у современников, так и у потомков.

Именно в оценке кандидатов в «новые чудотворцы» разошлись позиции князя и митрополита, да и у летописцев проявлялись определенные разногласия.

В изложении Московского свода, «вземже преже раку Киприана митрополита и поставиша ея в киоте в стене на десней стране, по сем же взяша раку с мощми Фотеа митрополита и поставиша ея с Киприаном в едином киоте. По сем же пришед ко гробу преосвященнаго митрополита Ионы, и егда сняша с него дъску, и в той час изыде благоухание много по всему храму, яко всем бывшим ту слышите его, а ризы и амофории всех сих триех святитель не истлеша по толицех летех преставления их, и тако все тогда православное христиан множество бывшее видевше многи слезы излиша о преославленном видении».

Уже в этом тексте есть определенные противоречия. Так, «благоухание» сопровождает лишь захоронения Петра и Ионы. Поклонникам митрополитов Петра и Алексия, а также восстановившего автокефалию Русской Церкви Ионы трудно было принять их антиподов — Феогноста и Киприана.

Но последовал большой пожар в Москве в 1473 г., в котором пострадала резиденция митрополита Филиппа. Великий князь застал его плачущим в храме и, решив, что митрополит жалеет о собственных утратах, пообещал отстроить ему хоромы. Однако митрополит попросился отпустить его в монастырь, где скоро скончался. Собор епископов избрал новым митрополитом коломенского епископа *Геронтия*, с которым у великого князя впоследствии тоже будет немало расхождений. А в 1474 г. недостроенный храм развалился, засыпав и гробницы кандидатов в новые святые. Естественно, что это воспринималось как наказание за грехи, и искали их в том числе и в воплощении идеи создания нового храма. Феогност так и не будет канонизирован, не все примут и антагониста Дмитрия Донского — Киприана. А в летописях по именам будут называть митрополитов Петра, Алексия и Иону, покрывая остальных собирательным «и другие».

За новым строителем пришлось отправлять посольство в Италию. В **1475 г.** *Аристотелем Фрязином (Фиораванти)*

на новом месте будет заложен стоящий и доныне *Успенский собор*.

Собор будет сооружаться до

1479 г.,

а Аристотель проявит себя еще и как прекрасный пушкарь, умевший и лить пушки, и метко стрелять из них.

§ 2. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА К МОСКВЕ

Успехи 1471 г., создание довольно надежного заслона от набегов казанских татар выносили на первый план **главный вопрос: освобождение от татарского ига, т. е. от номинального подчинения Большой Орде.** Сам князь Иван Васильевич в Орде не бывал ни разу, дань туда поступала от случая к случаю и в урезанном виде. Летом 1471 г. ушкуйники и вятчане во главе с Костей Юрьевым совершили дерзкий набег на Орду и захватили саму столицу Сарай. По Устюжскому летописному своду, было захвачено «полону бесчисленно множество и княгинь сарайских». Московский свод дает более обстоятельную информацию о происшедшем (хотя не упоминает имени вожака и не говорит о плененных княгинях). Здесь сказано о «многом товаре», захваченном налетчиками, и объясняется, почему Сарай так легко был захвачен. Мужская часть населения кочевала на расстоянии дневного перехода от города, а услышав о случившемся, татары создали мощный заслон из судов на Волге («всю Волгу заступиша суда своими»). Ушкуйники, однако, «пробишася сквозе их и уидоша со всем, а под Казанью тако же хотеша переняти их, и тамо проидоша мимо тех со всем в землю свою».

Из этой информации следует, что между *Сараем* и *Казанью* в это время поддерживались какие-то отношения, а

Москва,

очевидно, была осведомлена о смелом замысле вятчан. Во всяком случае, видимо, так считал ордынский хан Ахмед. В 1472 г. он, рассчитывая на помощь короля Казимира, решил осуществить большой поход на Русь. Иван III, узнав о движении татарских войск, как обычно, выехал в Коломну, чтобы не допустить переправу татарских отрядов через Оку. Но татарские рати двинулись ближе к литовским владениям на неукрепленный Алексин, где стоял лишь незначительный воинский заслон. Город был сожжен вместе с

его жителями. Однако этот заслон задержал татарское войско до прихода подкреплений, и в конечном счете ордынское войско с большими потерями откатилось на юг, неся значительный урон также от какой-то вспыхнувшей там эпидемии. Казимир, занятый противостоянием с Венгрией, не смог оказать помощи традиционному союзнику, да, видимо, после успехов московских воевод у самых рубежей Литвы, и опасался за последствия.

Реакцией на успехи Москвы явилось *дальнейшее углубление раскола в самих татарских ханствах.*

В зиму 1474 г. «приехал служить великому князю Муртоза, сын Казанского царя Мустофы». Царевич получил от великого князя «городок новой на Оце со многими волостями». А затем прибыл посол от Крымского хана Менгли Гирея «именем Азибаба, а прислал к великому князю с любовью и братством». В свою очередь Иван III «с ним же вместе отпустил своего посла ко царю Менли (так в летописи.

—А.К.) Гирею

Микиту Беклемишева, также с любовью и братством». Летописные сообщения за 1474 г. вообще заполнены сведениями о различных посольствах в Москву и из Москвы, причем они обычно точно датированы. Так, «месяца нуля 7 пришел из Орды Микифор Басенков с послом царевым Ахмутом Болшиа орды с Кара Кучуком, а с ним множество татар пословых было 6 сот, коих кормили, а гостей с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двесте, а коней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много». Содержание монголо-татарских «посольств», как отмечалось выше, всегда ложилось тяжелым бременем на покоренные народы. В данном случае примечательно обилие «гостей», т. е. торговцев, часто продававших в другом месте награбленные товары.

Посольство было отпущено в Орду 19 июля, и с ним отправился в Орду московский посол Дмитрий Лазарев, а также посол венецианский «Иван Тривизан», попавший в Москве в темницу за какие-то «попутные» (похоже торговые) дела. Москву уговорили дать послу возможность проехать к хану Ахмеду, дабы предложить ему выступить против турецкого султана. По просьбе венецианцев, посол был выпущен «из нятья», и князь «подмогши его всем отпустил к царю Ахмату... съ своим послом о их деле».

Посольства из Москвы в данном случае имели задачей препятствовать союзу Ахмеда с Казимиром, не допустить их совместного выступления против Москвы, причем в середине 70-х гг. более опасным представлялся именно Казимир. Польский король не мог примириться с утратой влияния на Северо-Западе Руси, а у Москвы вставала задача возвращения попавших Под власть Литвы и Польши русских земель. Поэтому и в «докончание» с Менгли-Гиреем не было включено имя главного врага крымского хана — Ахмеда. Но в 1475 г. сам Менгли-Гирей попал в Мангупе в плен к вторгшимся на побережье Крыма туркам, и на какое-то время связи Москвы и Крыма были прерваны. С того же 1475 г. Менгли-Гирей, освобожденный из заключения по распоряжению

воеводы султана Мухаммеда, признал себя вассалом Турции, с чем хан Ахмад также не хотел мириться.

Осень 1475 г. и зиму 1476 г. Иван III провел в Новгороде. Летописец подробно описывает встречи с боярами, посадниками, старостами, тысяцкими, архиепископом; пиры и приемы, сопровождавшиеся подарками с той и другой стороны, бесчисленные разбирательства взаимных жалоб в княжеской резиденции на Городище. Князь старался не отступать от статей «грамоты», уступал просьбам архиепископа и посадников. Но в одном вопросе он оказался непреклонным: были взяты под стражу бояре, которые выступали «за короля», т. е. ожидали помощи от Казимира. Трое были заточены в Коломне и трое в Муроме. Архиепископ и большая депутация от Новгорода «били челом» о заключенных великому князю и после его возвращения в Москву. Но князь остался непреклонен.

Полугодовое пребывание в Новгороде не разрешило всех противоречий. Они вскоре вновь обозначились на поверхности. Под 1477 г. в Московском своде сообщается о новгородском посольстве якобы от архиепископа Феофила и «всего Великого Новгорода» с просьбой называть Ивана III и его сына Ивана «государями», а не «господинами», как было до сих пор. Но отправленным в Новгород московским послом было сказано, что «с тем есмь не посылавали»: «И назвали то лжею». В Новгороде было созвано вече, на котором убили предполагаемого организатора посольства Василия Никифорова, а затем на владычном дворе убили и ходившего в качестве посланника вечевого дьяка Захария Овина, а также его брата. Снова звучали призывы идти «за короля», о чем московские посланники и доложили князю.

На сей раз сборы были недолги. В октябре 1477 г. многочисленные отряды разными путями двинулись на Новгород. Навстречу устремились желающие перейти на службу к московскому князю или же запастись «опасом» – охранной грамотой. Титул «государь» звучал теперь во многих обращениях. Псковичи направили грамоту «Господину государю великому князю Ивану Васильевичу царю всеа Руси». Они били челом к своему «государю», сетуя о внезапной беде: весь Псков выгорел в пожаре. Об «опасе» просили и послы от новгородского владыки: «А назвали великого князя государем: чтобы еси, государь, пожаловал опас дал владыце и послом новгородцким приехати к себе бити челом и отъехати добро волно». К «господину государю князю великому» обратился и архиепископ Феофил с просьбой об освобождении ранее уведенных на Москву бояр. В ответе же князя напоминалось, что на этих бояр были жалобы от многих

новгородцев и что именно от них исходило наибольшее зло самим новгородцам.

К концу 1477 г. войска московского князя и его вассалов занимали все важные центры и пути в Новгородской земле, и о военном противостоянии Новгорода многократно превосходящим силам не могло быть и речи. Но и Иван III не стремился разрубать узел противоречий военным ударом, не без оснований полагая, что *угроза удара* в данном случае эффективней выигранного сражения. И дело не только в том, что Новгород исторически был вотчиной великих князей, – это признавалось и новгородскими властями. Требовалось время и видимость «нейтралитета» московских воевод до тех пор, когда внутренние новгородские противоречия станут неразрешимыми без обращения к авторитетной внешней силе.

Переговоры с представителями Новгорода длились несколько недель и перемежались пирами приемами. Новгород производил замены в своей делегации, расширяя круг представителей, а великий князь отправлял своих бояр «на говорку», где они выслушивали предложения новгородцев, а затем передавали ответы князя. С самого начала новгородская делегация настаивала на освобождении арестованных в 1476 г. бояр и ограничивалась признанием Ивана III «государем» при сохранении структуры внутреннего управления, как это было в отношениях Москвы со Псковом. Отказывались новгородские делегаты и принимать участие в каких-либо военных акциях Москвы за границами собственно новгородских земель.

Естественно, московского князя предложения новгородской стороны не устраивали, и он тянул время, не давая окончательного ответа. Продолжение переговоров обычно следовало через несколько дней. Московская сторона, уходя от обсуждения предложений новгородцев, напоминала об их прежних «неисправлениях», а также о жалобах на боярское правление. Постоянно напоминали о посольстве «Назара да Захара», в организации которого новгородцы пытались обвинить Москву. А тем временем московские рати располагались в непосредственной близости от Новгорода.

7 декабря 1477 г. та же делегация была пополнена пятью «черными» (простыми, незнатными, податными) людьми «от пяти концов». Согласно «регламенту», новгородские посланцы просят разрешения князя поговорить с московскими боярами, а затем излагают примерно те же пожелания. При этом посольство соглашалось отдать под юрисдикцию наместников разные города Новгородской земли, но оставляло за собой сам Новгород. Посадник Яков Федоров просил, чтобы князь «вывода не учинил из Нового-родские земли», чтобы «не вступался» в боярские вотчины и земли, и не вызывал новгородцев в Москву. И «все били челом», дабы новгородцев не вызывали на

службу в «Низовскую землю». Посадник Фефилат внес некоторые изменения в пожелание посадника Луки Федорова, чтобы «государь князь великы... на всяк год имал со всех волостей Новгородских дань съ сохи по полугривне новгородской», т. е. по норме, установленной Ордой. Это больше, чем предложение, сделанное двумя неделями раньше, но пока Москва не освободилась от ордынской дани, это серебро должно было пройти мимо Москвы.

На сей раз Иван III ясно определил свои требования, передав их через занятых на переговорах бояр: **«Хотим государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как нашо государство в Низовской земли на Москве, и вы нынеча сами указываете мне, а чинити урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое»**, т. е. князь прямо бросает упрек делегации Новгорода в попытках указывать «государю», как ему «государствовать».

Новгородская делегация оправдывалась тем, что новгородцы не знают, как «держиться государство» в «Низовской земле», и никаких указаний князю не дают. На это последовало заключение князя, переданное новгородцам князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым: «Князь великы тебе своему богомолцу, владыце, и вам, посадником и житиим и черным людям так глаголеть: что есте били мне челом, великому князю, что бы яз явил вам, как нашему государству быти в нашей отчине, ино **наше государство великих князей таково: вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати, ино на чем великим князем быти в своей отчине, волостемь быти, селом быти, как у нас в Низовской земле, а которые земли наших великих князей за вами, а то бо было наше.**

А что есте били мне челом великому князю, что бы вывода из Новгородские земли не было, да у боар у новгородских в вотчины в их земле нам, великим князем, не вступатися, и мы тем свою отчину жалуем, вывода бы не паслися (не опасались. – А.К.),

а в вотчины их не вступаемся, а суду быти в нашей отчине по старине, как в земле суд стоит».

О настроениях в стане осажденных рассказывают и псковские летописи. В городе бурлили разногласия. Одни хотели стоять до конца, другие – подчиниться воле великого князя. Надежды на то, что московская рать постоит у города и уйдет, явно не оправдывались. А после того как находившийся вместе с новгородцами в осаде их воевода суздальский князь Василий Васильевич Шуйский «бил челом» великому князю, надежд на успешную оборону и вовсе не оставалось. 14 декабря, в очередную «неделю» (воскресение), послы явились с уведомлением о принятии московского ультиматума. «Государя» просили целовать на обговоренных условиях крест. Но князь «отрече то: не

быти моему целованию». Не позволил он целовать крест также своим боярам и наместнику и отказал послам в выдаче «опасной грамоты».

Далее на протяжении нескольких недель продолжался своеобразный торг. Новгородцы надеялись откупиться двумя волостями – Луками Великими и расположенной северо-западнее Ржевой Пустой. Но князь отказался от такой подачи. Тогда ему предложили 10 волостей. Великий князь снова отказался и передал через своих бояр: «Взяти ми половину всех волостей владычных да и монастырских да Новоторжские, чии ни буди».

Покушение великого князя на половину монастырских сел, видимо, связано с намечавшимися вскоре спорами о монастырском землевладении, в которых Иван III будет поддерживать «нестяжателей». Новгородские посланники согласились с требованием, но готовы были отдать князю половину владений только шести монастырей, «а иные бо монастыри государь пожаловал, земель у них не имал, поне же те убоги, земля у них мало». Князь распорядился провести опись обозначенных волостей, предупредив, что все утаенное – «то земли великих князей». Хотя у владыки князь половины волостей забирать не стал (взял лишь 10 волостей, в коих значилось около 300 «сох», дань с которых должна бы была составить 150 гривен), само требование выявляет недоверие к нему Ивана III. Примерно вдвое больше составили половины владений шести монастырей (остальным князь оставил их земли). Посольство новгородское, выторговывая уступки, жаловалось на «тесноту в граде и мор на люди и глад». Князь же уточнял, что составляет новгородская «соха» («3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадех и сам третей ореть, ино то соха»), и платят ли с «сохи» по полугривне или 7 денег. Князь «захотел взяти с обжи по полугривне», но владыка умолил брать по полугривне с трех обж и собирать дань один раз в году. Князь согласился, оговорив, что единая плата будет взиматься с собственников всех категорий. Согласился он и с просьбой не посылать своих писцов и данщиков, оставив это на усмотрение новгородцев.

Разрешив еще ряд спорных вопросов, в частности о взаимоотношениях Новгорода и Пскова и перебазировании княжеской резиденции из Городища на «двор Ярослава», князь отправил 20 января 1478 г. посла в Москву с уведомлением о результатах похода, и тот через неделю (столько обычно занимала дорога), прибыл в Москву. 2 февраля князь повелел «поймати боярыню Новгородскую Марфу Исакову, да внука ее Василья Федорова сына». На следующий день по его распоряжению наместник Иван Васильевич Стрига «поймал» «грамоты докончальные» новгородские с литовскими князьями и королем и доставил их князю. 7 февраля в Москву были отправлены Марфа Борецкая с ближайшим ее окружением. 17 февраля князь выехал из Новгорода. Вслед за ним выехал владыка «проводитTM его», и на «первом стане» «явил бочку вина да жребец, а

боаре новгородские являли мехи вина и меду, да ели у него вси, пили с ним». С подобными останками князь доехал до Москвы лишь 5 марта, и вскоре после этого в Москву был доставлен *вечевой колокол*. Однако память о вечевых традициях долго будет жить в Новгороде, и позднее к ней не раз будут обращаться в лихие для «Земли» и «Власти» времена.

Пока же Новгород продолжал бурлить, и осенью 1479 г. Ивану III пришлось снова направиться в Новгород «миром», но в сопровождении значительного отряда с пушками. В летописях этот визит князя излагается отрывочно и глухо, а в иных не упоминается вовсе, хотя предшествующий поход был описан почти по дням на протяжении нескольких месяцев. О причинах поездки великого князя в Новгород наиболее обстоятельно сообщается в «Истории Российской» В.И. Татищева. Здесь пересказываются некоторые нерусские источники (в том числе неизвестные до сих пор) о намерении Ахмеда и Казимира организовать большой поход на Русь, используя и Орден, и оппозиционное Москве новгородское боярство. По Татищеву, «князь великий Иоанн (выше по тексту он, в соответствии с летописями и традиционно русским произношением – «Иван»; форма «Иоанн» обычно употреблялась по отношению к церковным деятелям или же в иностранных источниках. – А.К.) Васильевичуведавтайне, яко новогородцы, забывше свое крестное целование, мнози начашеся тайне колебаться и королем лядским и князьям литовским ссылатися, зовуще его с воинствы в землю Новгородскую». В результате похода великий князь повелел арестовать зачинщиков заговора и архиепископа Феофила.

Татищев обычно обозначал события в соответствии с источником. Предшествующий год у него датировался мартовским стилем, а продолжение открывается январским 1480 г. Это явное указание на соединение разных источников, причем январским годом мог датироваться какой-то западный (возможно, польский) источник. Дата «поимания» архиепископа Феофила 19 января имеется и в некоторых других летописях (в Московском своде явная ошибка: «тое же зимы сентября в 9»), но открывается этим сообщением новый год только у Татищева. Сам текст его также отличается от других летописей. У него отмечается, что князь «новгородцев больших крамольников более 100 казни и вся имения их взя. Иных же с 1000 семей детей боярских и купцов разосла по городам низовым в Володимере, Муроме, Нижнем, Переяславле, Юрьеве, Ростове, на Костроме и в иных городех; тамо даде им поместья. Много же купцов и черных людей, до 7000 семей, по городам на посады и в тюрьмы разосла и в Новгороде казни, а на их место жаловал поместьями их детей боярских с иных же городов и многих холопей боярских, много же и купцов в Новгород приведе. **И тако конечно укроти Великий Новгород**».

«Вывод» новгородцев и перемещение на их места служилых людей и купцов из

«Низовской земли» осуществлялся не один год. Под 1489 г. у Татищева (очевидно, из другого источника) повторяется упоминание о тысяче выселенных. Потомки переселенцев долго помнили и передавали потомкам рассказы об этих событиях. (На севере Рязанской области вынужденные переселенцы оставили заметный след и в антропологическом облике края.)

Великому князю предстояло решить в 1480 г. и еще одну проблему. «Немцы» из Ливонии нарушили заключенное в 1474 г. на 30 лет перемирие и начали нападения на псковские «пригороды». По просьбе псковичей московский князь направил в помощь им воеводу князя Андрея Оболенского, который вместе с псковичами совершил успешный поход к Юрьеву. Однако воевода вскоре ушел из Пскова: очевидно, был отозван Иваном III. Но псковичи похоже не поняли, в чем дело, и, решив, что воевода на них обиделся, догнали его и упрашивали вернуться. Отношение к собственному князю, московскому наместнику Василию Васильевичу Шуйскому, выразил псковский летописец: «Бяше тогда въ граде Пскове князь невоиск и грубый, токмо прилежаше многому питию и граблению, и много всей земли грубости учини». Уход отряда воеводы Андрея Оболенского осложнил положение города, и хотя ливонцам не удалось захватить его, урон предместьям и окрестностям был нанесен огромный.